

«У НАС БОЛЕЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ СЛУШАТЕЛЬ»

Он молод, красив и очень талантлив. Карэн Шахгалдян в свои 27 лет стал лауреатом престижного международного конкурса имени Пабло Сарасате в Испании. Карэн является также обладателем именных стипендий Давида Ойстраха и Юрия Янкилевича. Весной афиши с его лицом украшали все столичные улицы. И тут же народ зажужжал: кто такой? откуда?

- Карэн, как так вышло, что в твоей семье, где все – пианисты, ты стал играть на скрипке?
- Безусловно, и мне пророчили такую же судьбу. Тем более, что в четыре года мне сложно было самому выбирать, на каком музыкальном инструменте играть. Но четырехлетним я увидел скрипку, прижал ее к себе и решил, что буду идти с ней по жизни. Родители решили: пусть пока учится игре на скрипке, мы все равно добьемся своего, посадив его за фортепиано. Но скрипка все равно победила.
- Я слышал такую легенду, будто бы к самостоятельности тебя стали приучать с малых лет, оставив одного в столичной музыкальной школе?
- Родители мои тогда работали в Брянске, но все-таки решили привезти меня на прослушивание в Москву. Один из профессоров потом высказал моим родителям упрек: «Мы таких ребят ищем по всей стране, а вы его в Брянск увезти хотели! Нехорошо, молодые люди!». Так я поступил в Москву в Центральную музыкальную школу. Родители не могли остаться со мной, потому я прожил здесь несколько лет в интернате. Приходилось несладко. Хорошо, что меня опекали преподаватели — по-дружески приглашали к себе домой на чай.
- Приглашать ученика в гости — традиция, правило или особое расположение?
- Это особенность русской преподавательской школы. Отношения между учеником и педагогом становятся в некоторой степени «семейными» — учеников воспринимают как своих детей. Существует мнение, что это порождает некоторую «однбокость». На Западе, например, такая модель обучения неприемлема. У них все иначе — есть педагог, у которого ты занимаешься 45 минут в неделю, а все остальное время едешь на другие мастер-классы. «Семейные» отношения тем и хороши, что в любой момент ты можешь рассчитывать на помощь наставника. Многие маститые музыканты до сих пор обращаются за поддержкой и советом к своим старым профессорам.
- Помнишь свое первое выступление? Какие эмоции ты тогда испытывал?
- Первое выступление не помню. Но два ярких эпизода опишу. Я еще маленький, мне 5 лет. Вечером предстоит концерт при свечах в музыкальной школе. Мама укладывает меня днем спать, чтобы перед выступлением я отдохнул. У нее очень много дел, и за ними она забывает меня разбудить. Приходится очень быстро собираться. Мама меня одевает и сажает в такси, обещая приехать чуть позже. Я подъезжаю к школе на машине, как большой и важный человек. Концерт. Сцена. Свечи. Я исполняю Баха. И ощущение, что все происходящее — сон. Наверное, тогда я действительно не проснулся. Но это странное, нереальное состояние помню до сих пор. Второй яркий эпизод. Гастроли в Испании, точнее, в юго-западной Андалусии — на родине фламенко. Концерт окончен. Зал аплодирует. Но как-то странно. И тут мы понимаем, что овации в ритме фламенко!
- Сегодня ты дал в Москве несколько успешных концертов, да и по миру много гастроллируешь. Есть отличия в том, как слушают классику в России и на западе?
- У меня ощущение, что у нас слушают музыку больше эмоционально. Наш слушатель более теплый и сердечный. Слушатель западный — рациональный, рассудительный, вдумчивый. Например, там я никогда не слышал хлопков в зале во время игры, нет трелей мобильных телефонов, как у нас.

- На сегодня сохранилось около 400 инструментов замечательного мастера Страдивари. Интересно, что ты играешь на одном из них — уникальной скрипке, изготовленной во время «золотого» периода мастера, в 1712 году. Это правда, что скрипки, изготовленные Страдивари, звучат как-то по-особому? Или это легенда?
- Они не только звучат, но и выглядят совершенно особенно. А красоту их звука может оценить любой человек. Достаточно просто сравнить звучание двух скрипок. И тут даже слух особый не нужен, чтобы почувствовать разницу. Да, был все-таки свой секрет у Мастера. Ведь проводились эксперименты, когда с помощью компьютера с точностью до микронов воспроизводили форму и параметры инструмента, один в один повторяли формулу лака, создавали точную копию, клон. А скрипка все равно звучала по-другому... Недаром, наверное, говорят, что настоящий мастер в свои творения вкладывает душу. И хорошо, если при этом у него намерения добрые. Есть история об одной скрипке работы итальянского мастера Гваданини, которая своим владельцам приносит несчастья. Если на ней долго играть, непременно что-то плохое случается. Дурная репутация у инструмента. Хотя сама по себе скрипка хорошая, и звук у нее яркий, мощный. Несколько лет назад мне довелось на ней поиграть, недолго — минут 10. Играю и чувствую: что-то не то, неудобно как-то, неуютно.
- А с Вашей скрипкой никаких таинственных историй не связано?
- Таинственных? Наверное, нет. Хотя... все может быть... Очень сложно проследить всю историю инструмента, от момента создания до наших дней. Но знаю точно — на ней играли Давид Ойстрах, Виктор Третьяков, Леонид Коган и другие замечательные скрипачи. Когда осознаешь, что она была в руках таких великих людей, испытываешь какой-то особый трепет, и на исполнении это тоже сказывается.
- Практически в любой профессии есть свой секрет. В чем тайна мастерства скрипача?
- Тайна? Да нет, наверное, никакой тайны нет. Человек может получить какие-то навыки: овладеть техникой, правильной постановкой, научиться извлекать из инструмента качественный приятный звук. При этом получится хороший среднестатистический скрипач. А то, что может вывести его на другой уровень — это индивидуальность. Думаю, именно в этом заключается и прелесть, и загадка профессии скрипача. Педагог может научить тебя демонстрировать индивидуальность при исполнении, но то, что ты будешь демонстрировать, нужно самому найти в себе. Тогда и собственный стиль появится, и глубокое философское понимание произведения придет.
- Как Вы думаете, женщина может быть хорошим исполнителем?
- До последнего времени среди исполнителей были в основном мужчины. Но сейчас все так быстро меняется. Появилось много талантливых девушек-исполнительниц, и думать, что мужчина в чем-то превосходит женщину, уже неактуально. Не важно, кто ты — мужчина или женщина, важно, как ты играешь.
- У всех музыкантов такие «профеминистические» настроения?
- Не у всех. В начале века дирижер Артуро Тосканини на вопрос, почему он не берет в свой оркестр женщин, ответил фразой, которая впоследствии стала крылатой: «Потому что красивая женщина будет отвлекать музыкантов, а некрасивая — мешать мне!». Я понимаю, что это шутка, но все равно с ней не согласен. Не думаю, что когда-то давно существовал «мужской заговор» (кроме кухни и спальни женщину больше никуда не пускать). Тем не менее, появление среди прекрасных дам писателей, ученых я связываю с эмансипацией — движением, которое приободрило женщин и позволило храбро заявить «Я могу!». Искусство всегда немного отставало от жизни. Сначала происходили какие-то исторические события, и только потом они находили отражение в науке, литературе, живописи, и лишь в последнюю очередь — в музыке. И то, что пока нет громких женских имен среди композиторов и исполнителей, лишь вопрос времени. Возможно, через несколько десятков лет в музыке, да и вообще в искусстве, будут звучать лишь женские имена.

- *Такая вера в женщин с чем связана?*
- Наверное, с тем, что я не так давно женился. Интересно, но до момента знакомства с Яной мыслью о свадьбе не было. Не то чтобы я являлся воплощением закоренелого холостяка, но довольно долго придерживался высказанной в детстве мысли, что раньше 50 лет не женюсь. И вдруг эта встреча — настолько яркая, внезапная, счастливая, что через год после знакомства мы поженились. Я все-таки думаю, что многие мужчины со мной согласятся — жениться нужно. Просто приходит время, которое где-то кем-то рассчитано, и все вопросы и сомнения рассеиваются сами собой. И дай бог, чтобы в такой момент рядом оказался любимый и любящий человек.

Феликс ГРОЗДАНОВ

Газета «Трибуна» август 2004 года